

Андрей Рябов: «Россия не может пойти путем КНДР или Мьянмы»

После недавнего террористического акта в Бостоне вновь заговорили о возможности нового сближения России и США на почве совместной борьбы с международным терроризмом.

Однако повторения 2001-2002 гг. ожидать не стоит. Изменились сами партнеры, как и окружающий их мир. Россия уже не стремится стать частью Запада, как это было в начале прошлого десятилетия, а пытается, несмотря на ограниченность ресурсов, сохранить за собой роль самостоятельного центра в мире. И при этом, разумеется, не поступится ни толикой суверенитета ни во внешней, ни во внутренней политике.

Но и Запад ныне не питает иллюзий в плане превращения России, пусть и в неопределенном будущем, в обычную рыночную демократию. Отсюда стремление минимизировать сотрудничество везде, где это можно сделать. Российским элитам с помощью списка Магнитского посылается сигнал, что отныне их право на «интеграцию в Запад» на личном уровне не безусловно и не гарантировано.

Между США и Евросоюзом с одной стороны и Россией — с другой с новой силой разворачивается борьба за влияние на постсоветском пространстве, хотя еще совсем недавно казалось, что Запад утратил интерес к этому огромному региону. Но было бы наивно полагать, что все эти признаки указывают на то, что в отношениях России с Западом дело идет если и не к новой холодной войне, то по крайней мере к взаимному стремлению сторон отгородиться друг от друга новыми занавесами.

Как бы ни старались нынешние российские поборники идеи превращения страны в осажденную крепость, живущую по собственным алгоритмам развития, реализовать эти проекты на практике будет не так просто. По сравнению с Советским Союзом на пике его существования, для которого рынком были прежде всего страны бывшего социалистического содружества, нынешняя

Россия глубоко интегрирована в мировую экономику, стала ее частью, хотя и зависимой от центров современного капитализма. Правящие ею элиты стали такими, какие они есть, именно благодаря этой интеграции. Главным потребителем российских энергоресурсов по-прежнему остается Европа.

Именно в силу перечисленных причин Россия на международной арене не может пойти путем КНДР или Мьянмы (при прежних правителях). Но и создать свой замкнутый саморазвивающийся экономический контур у Москвы вряд ли получится — даже на постсоветском пространстве. Для этого нет достаточных ресурсов, да и страны-партнеры также уже встроились в мировую экономику в роли поставщиков сырья.

Для Запада в его отношении к России все тоже выглядит непросто. В мире поднимаются новые центры развития — прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии. Весьма вероятно к тому же, что со временем, возможно уже в ближайшем будущем, Китай превратится во второй по военно-политической мощи центр силы в мире. Под влиянием этих факторов неизбежно будут меняться привычные конфигурации сложившихся международных союзов, коалиций и балансов сил. И Россия в этом глобальном процессе переформатирования системы международных отношений в силу своих масштабов, логистических возможностей и военного потенциала будет выступать в роли важного игрока и партнера.

Именно поэтому США, несмотря на заметное охлаждение отношений с Москвой, стремятся не захлопывать двери и не идти на дальнейшее обострение: в список Магнитского включены лишь имена малоизвестных чиновников среднего звена. Японский премьер привозит с собой огромную делегацию представителей национального бизнеса. Но это вовсе не означает, что уже завтра в Сибирь и на Дальний Восток пойдет поток японских инвестиций. Токио лишь подает соответствующий сигнал Москве: такое может произойти, но только при

условии, если Россия пойдет навстречу японским требованиям и пожеланиям, в первую очередь о судьбе островов Южно-Курильского архипелага.

У России же пока остается пространство для маневра — российско-китайские связи с каждым годом растут и укрепляются. Однако появляются и поводы для беспокойства: в этом партнерстве неравенство сторон усиливается — явно не в пользу Москвы. Будущее глобальной системы международных отношений остается не только открытым, но и все более неопределенным.

Именно неопределенность заставляет ведущих акторов мировой политики одновременно и поддерживать взаимодействие с партнерами, и сохранять в своих руках мощные инструменты давления на них. Открытый характер списка Магнитского — наглядное тому подтверждение.

Российская дипломатия в свою очередь также пытается найти такие чувствительные инструменты, которые можно будет при необходимости задействовать, дабы сделать партнера более уступчивым. Проблема усыновления, похоже, становится одним из таких инструментов. Но главным залогом успеха становятся гибкость, умение вовремя скорректировать позиции в соответствии с изменившимися условиями. Одновременно, однако, возрастают и риски, связанные с ошибочными решениями. Особенно это касается стран, таких, как Россия, ресурсы которых ограничены.

Кажущаяся очень привлекательной позиция маневрирования между ведущими центрами силы может оказаться и весьма уязвимой. Динамика в мировой политике очень высока, и потому велик риск упустить благоприятный шанс, а нарастающие экономические проблемы России объективно сокращают пространство для выбора.